

Журнал практической психологии и психоанализа

[Главная страница](#)
[Содержание номера](#)

Ежеквартальный научно-практический журнал электронных публикаций
Основан в 2000 г. [Институтом практической психологии и психоанализа](#)

#2 июнь 2004 г.

Ненависть и контейнирование^{*)}

Данная статья является докладом, представленным на 11-й Восточно-Европейской летней психоаналитической школе в Киеве, организованной [Психоаналитический институт Восточной Европы им. Хан Гроен-Праккен](#), которая прошла 26 июня - 2 июля 2004 г.

П. Кейсмент

*член Британского психоаналитического общества и
Британской ассоциации психотерапевтов. Имеет частную
практику. Лондон.*

Что я называю ненавистью?

Обычно ненавистью называют некую интенсивную неприязнь. Ненависть может быть *по большей части рациональной*, например, когда мы ненавидим незнакомца, вторгшегося в семейный дом и его развалившего. Она может быть *полностью иррациональной*, когда ребенок ненавидит шпинат за его цвет. Она может быть довольно сложной, когда нас подводит кто-то, кому мы доверяли - тогда мы можем ненавидеть также себя за то, что позволили себя одурачить тому, кто не заслуживал доверия.

Мы все способны ненавидеть. И длительность этой ненависти может разниться от *коротких вспышек* до *продолжительных периодов*, которые могут тянуться всю жизнь, и даже в течении жизни нескольких поколений. Мгновенную вспышку ненависти испытывает, например, ребенок, которому не удалось добиться своего. Длительную ненависть человек может испытывать к сопернику, который воспринимается как угроза для значимых отношений. И существует та постоянная и обычно иррациональная ненависть, которую некоторые люди испытывают к определенным группам людей, или к определенной нации или расе. Мы можем ненавидеть некоторых людей за то, что они *слишком похожи* на нас, поскольку они отвлекают от нас внимание, когда мы хотим, чтобы нас считали уникальными. Точно так же мы можем ненавидеть других людей за то, что они *непохожи* на нас, а их манеры или обычаи кажутся нам странными - противоречат нашему пониманию того, как следует жить или вести себя. И в частности мы можем ненавидеть некоторых людей, потому что усматриваем в них то, что не хотим усматривать в себе самих.

Что я называю контейнированием?

В детском возрасте нам необходимо обнаружить, что есть значимые другие, особенно родители, которые способны справиться с тем, с чем мы в себе пока еще справиться не можем. К числу таких вещей относятся наш гнев, наша деструктивность и наша ненависть. Если наши родители не в состоянии обеспечить такое контейнирование, мы, вероятно, будем стараться найти его у других. Но если мы не найдем нужного нам контейнирования и у других, скорее всего, мы вырастем с убеждением, что в нас есть нечто такое, чего чересчур много для кого угодно.

Если ребенку не удалось найти у других адекватного и надежного контейнирования, его развитие может пойти по одному из следующих двух путей. Один состоит в том, что ребенок начинает выходить из-под контроля, и становится все труднее с ним справляться. Это бессознательный поиск прочного контейнирования, которое еще не было найдено, контейнирования, которого было бы наконец достаточно и которое смогло бы справиться с тем в ребенке, с чем пока никто, по-видимому, справиться не смог. Его, это контейнирование, все еще ищут у других. Винникотт считает, что такой ребенок все еще бессознательно надеется, что найдет то, что ему нужно. Другие последствия наблюдаются, когда ребенок начинает развивать ложную самость, поскольку у него⁴ возникло чувство, что он один должен нести ответственность за контейнирование того, с чем остальные, по-видимому, справиться не в состоянии. "Ложной самостью" я называю здесь ту маску для окружающих, которую иногда развивает неуверенный в себе ребенок и под которой он становится способным скрывать свои самые истинные мысли и чувства. При естественном ходе вещей его поведение бы ухудшилось, но он становится покладистым, стремится угодить, так что оказывается неестественно хорошим. Дети такого типа, по-видимому, потеряли надежду найти у других то, в чем они испытывают самую глубокую потребность.

Такой ребенок может начать бояться, что родители не выживут, если не защищать их постоянно от того в нем самом, что, по его ощущениям, будет для них чересчур. Тогда ребенок в своей душе "заботится" о родителях, которые только внешне будто-то бы заботятся о нем.

Ненависть и ее связь с контейнированием

Как я уже сказал, мы все способны ненавидеть. Дети тоже способны ненавидеть, и зачастую их ненависть гораздо более безусловна и конкретна, чем у большинства взрослых. Дети склонны к колебаниям между абсолютной любовью и абсолютной ненавистью. Мы, взрослые, можем спокойно называть это "амбивалентностью". Но ребенок никак не может спокойно к этому относиться. Часто маленький ребенок чувствует необходимость удерживать эти два состояния души обособленно друг от друга, поскольку просто не может справиться с конфликтом столь противоположных чувств в отношении одного и того же человека. Многое зависит от того, как понимается и как воспринимается ненависть ребенка. Для матери один из самых трудных моментов - обнаружить, что ребенок ее ненавидит, относится к ней так, будто она - плохая мать, тогда как на самом деле она изо всех сил старается быть хорошей матерью. Например, когда ребенок настаивает на своем, ему необходимо найти родителя, знающего, когда сказать "Нет". Но ребенок, который не получил требуемого, часто впадает в "бешенство", пытаясь сломить твердое сопротивление родителя. Родитель может не выдержать криков и воплей и уступить, и ребенок получит то, на чем настаивает.

Обычная проблема с такими вспышками "бешенства" (tantrum) заключается в том, что зачастую ребенок специально пытается вызвать ими смятение у родителя, чтобы увеличить шансы на получение желаемого. В такие моменты от матери может

потребоваться вся ее уверенность, чтобы сохранить свою любовь к ребенку, особенно когда у нее вызывает чувство, что отрицательный ответ означает отсутствие любви. Стоит отметить, что искушение матери уступить вспышкам раздражения ребенка зачастую обусловлено ее желанием показать и ощутить свою любовь, поскольку глубоко внутри ею может двигать бессознательное желание заглушить ощущение ненависти - в себе или в ребенке.

Когда родители или воспитатели слишком легко уступают бешенству ребенка, для него это "бессмысленная победа". Такие дети в результате могут вновь и вновь прибегать к настоянию на своем чтобы получить "доказательство" любви. Но это доказательство ничего не значит, поскольку не может заменить ощущение действительно глубокой любви, любви родителя, способного вынести направленную на него ненависть. Зачастую на отыскание именно этой твердости и контейнирования, в способности родителя установить пределы [допустимого], и направлены бессознательно приступы раздражения ребенка и другие формы плохого поведения.

К сожалению, не находя необходимого контейнирования, ребенок может развить растущее чувство того, что в его поведении, по-видимому, есть нечто, с чем родитель не в состоянии справиться. Вместо того, чтобы принять и помочь контейнировать то, что может начать ощущаться как неконтролируемое "чудовище" в ребенке, родитель иногда как будто пытается "откупиться", уступая требованиям ребенка. Такой ребенок в результате оказывается лишенным чувства более глубокой [родительской] любви, а также того чувства безопасности, которое обеспечивается прочным, но заботливым контейнированием. Тогда ребенок может ощутить, что внутри него как будто действительно есть что-то плохое, как в его гневе или ненависти, чего оказывается чересчур даже для родителя, который не способен с этим справиться.

Экскурс в теорию

Я приведу здесь несколько теоретических положений, которые оказались полезными в моей клинической практике, когда она касалась таких вопросов, как ненависть и контейнирование.

Я много цитирую здесь Винникотта, но не потому, что являюсь его последователем - то есть, я не пытаюсь применять его теории в своей клинической практике. Просто так получилось, что, следуя за своими пациентами, я довольно часто возвращался к Винникотту, осмысливая то, с чем сталкивался в своем кабинете. То же самое часто оказывалось верным по отношению к некоторым работам Биона.

1) Представление Винникотта об "антиобщественных склонностях".

Винникотт отмечал, что ребенок, лишенный чего-то важного для ощущения безопасности и роста, и лишенный этого слишком надолго, может стремиться к получению недостающего компонента символически, путем воровства - *если еще надеется на его обретение*. Он также полагал, что и в деструктивности (другой выделяемой им форме антиобщественных склонностей) могут сходным образом проявляться поиски ребенком чего-то недостающего: контейнирования, что предусматривало бы более полное ощущение жизни [aliveness], чем то, которое ранее представлялось ребенку вполне доступным.

Самое важное в этих различных формах пределинквентного [чреватого правонарушениями] поведения - чтобы нашелся кто-то, кто мог бы распознать в них

бессознательный поиск; кто бы мог соответствовать тому, что Винникотт называет "моментом надежды" (Winnicott, 1956: 309). Он подразумевает тем самым, что ребенку требуется найти кого-то, кто бы мог распознать бессознательный поиск, выражающийся в его плохом поведении, бессознательную надежду на то, что это поведение будет понято и найдется кто-то, способный соответствовать выражающейся в нем потребности.

Если момент надежды *находит отклик*, будет уделено внимание потребности, выражаемой в плохом, и даже злобном поведении, и оно постепенно может стать ненужным. Происходит это потому, что ребенок начинает находить то контейнирование, которого не хватало и которое он бессознательно искал.

Однако если момент надежды *не* находит отклика, можно ожидать, что плохое (предделинквентное) поведение усилится и будет вызывать все больше проблем. Бессознательный поиск выйдет за рамки семьи и охватит других людей, таких как учителя и, возможно, даже полицейские. Однако может случиться так, что ребенок в предделинквентном состоянии начнет наказывать мир вне дома и семьи за глухоту к его потребности, и предделинквентное поведение может вылиться в настоящие правонарушения, а иногда даже в серьезные преступления. Наибольшее контейнирование, если оно вообще будет найдено, может в итоге обретаться в таких учреждениях, как больница или тюрьма, а не в отношениях с человеком.

2) Винникотт напоминает нам, что растущий ребенок, и особенно подросток, нуждается в поиске конфронтации с родителями или другими взрослыми. Об этом он говорит: "Конфронтация является частью контейнирования без оттенков кары и возмездия, но обладающего собственной силой" (Winnicott, 1971: 150). Он также предупреждает нас, что если родители пасуют перед этими нуждами растущего ребенка, он или она может обрести ложную зрелость. Подростка подстерегает здесь опасность стать не зрелым взрослым, а тираном, ожидающим, что все будут ему уступать.

3) В своей статье "Использование объекта" Винникотт исследует потенциально созидательные аспекты деструктивности. Он описывает, как ребенок, фантазируя, может "разрушать" объект в своей психике.²¹ Его потребностью в этом случае является способность внешнего объекта (то есть реальных родителей или реального аналитика) пережить такое разрушение без разрушения (collapse) или отмщения. Тогда обнаружится, что внешний объект (то есть родитель или аналитик) обладает собственной силой, а не только той, которая, путем фантазирования, была ему "дана" ребенком или пациентом, защищающим его от всего того, что для него чересчур, и что он, предположительно, не мог бы вынести.

4) В своей статье "Ненависть в контрпереносе" Винникотт говорит: "Аналитик должен быть готов выдерживать напряжение, не надеясь на понимание со стороны пациента того, что он делает, - возможно, на протяжении долгого времени. Чтобы справиться с этим, он должен без затруднений осознавать свой страх и свою ненависть. Он находится в позиции матери нерожденного или новорожденного ребенка. В конце концов ему неплохо было бы найти возможность объяснить пациенту, что он преодолел ради пациента, но анализ может и не зайти настолько далеко". (Winnicott, 1947, p. 198)

5) Я также счел описание Биона контейнирования чрезвычайно полезным для практической работы. В своей статье "Теория мышления" (Bion, 1962) Блон говорит об ощущении ребенком того, что он умирает. Ребенку настоятельно необходимо сообщить этот страх матери, и под влиянием такого дистресса у матери может возникнуть чувство чего-то неуправляемого. Однако если мать способна вынести этот удар и понять, что ей

сообщается и почему, возникнет возможность того, что ребенок получит свое состояние испуга назад, но оно уже будет управляемым благодаря способности матери справиться с ним в себе самой. Но дальше Бийон описывает неудачу контейнирования. Он говорит: "[Однако] если проекция не принимается матерью, ребенок чувствует, что его ощущение того, что он умирает, лишается своего смысла. Тогда ребенок реинтроецирует, но не страх умирания, ставший переносимым, а безымянный ужас". (Bion, 1967:118)

Не так уж редко пациенты приносят в аналитическое отношение нечто от этого "безымянного ужаса", о котором говорит Бийон. В этом случае пациент нуждается в том, чтобы аналитик был способен выдержать воздействие того, что ему сообщается, и действительно поддерживать контакт с этим ощущением. Но может потребоваться долгое время, чтобы пациент считал безопасным поверить, что контейнирование аналитиком его "безымянного ужаса" существует реально, а не исключительно в его воображении.

Клинический пример

Я кратко представлю здесь клинический пример ребенка, с которым меня попросили вести "дополнительные занятия по чтению с психотерапевтическим подходом". Девочку направил ко мне аналитик ее матери. (Работу с этим ребенком я описал в своей второй книге, "Дальнейшее обучение от пациента", в главе ""Ребенок указывает путь".) У девочки, которую я назвал Джой, было два брата, старший и младший, и не было сестер. К моменту нашей первой встречи ей исполнилось 7 лет. Я узнал от направившего ее аналитика, что ее матери было очень трудно смириться с тем, что у нее родилась дочь, она открыто обожала своих сыновей, но по отношению к Джой вела себя холодно и отчужденно. Я также слышал, что мать не могла выдержать, когда Джой заставляла ее чувствовать ненависть²¹ к себе, выказывая свою ненависть по отношению к ней. Поэтому она, вместо того, чтобы устанавливать пределы допустимого и выдерживать приступы ярости, следующие за ее попыткой сказать дочери "Нет", попустительствовала Джой. В результате Джой позволялось *делать* все, что она хотела, и *получать* все, что она хотела. Поэтому Джой стала по-настоящему "испорченным ребенком".

Неудивительно, что в ходе моей работы с ней Джой подвергла меня весьма суровым испытаниям и стала со мной очень требовательной. Когда же я говорил "Нет", она сердилась. Она сердилась иногда настолько сильно, что начинала пинать меня или пыталась укусить меня или оцарапать.

К счастью, ее мать разрешила мне вести себя с Джой строго, поэтому она была готова услышать вопли Джой, иногда доносившиеся из моего кабинета. Затем было несколько случаев, когда я вынужден был держать беснующуюся Джой, пока она не успокаивалась.

Я обнаружил, что могу держать Джой таким образом, что она не может пнуть, оцарапать или укусить меня. В такие моменты она начинала кричать: "Отпусти, отпусти!". Каждый раз я спокойно отвечал на это: "Не думаю, что ты уже готова сдерживаться (hold) сама, поэтому я собираюсь держать (hold) тебя, пока ты не будешь готова сдерживаться *самостоятельно*".

В этих случаях, а их было несколько в ходе первых месяцев моих занятий с ней, Джой всякий раз кричала "Отпусти, отпусти", но от раза к разу все менее решительно. Тогда я стал говорить ей: "Думаю, ты уже, наверное, готова сдерживаться сама, но если нет, я снова буду тебя держать".

После этого Джой успокаивалась, и всякий раз, когда это случалось, она затем шла на сотрудничество и начинала заниматься каким-нибудь творчеством. Это повторилось несколько раз, и Джой продемонстрировала, что начала обретать со мной безопасность нового типа. Что бы не казалось ей в себе неподвластным контролю "чудовищем", с которым не могла справиться ее мать, она чувствовала, что я *могу* справиться с этим. Таким образом она оказалась способной перенимать что-то от моего сдерживания (holding), что помогало ей сдерживать себя. Ее взгляд на себя стал меняться, и вместе с этим изменилось ее поведение.

Следует отметить, что вышеизложенный пример взят из моей работы в качестве коррекционного педагога (до того, как я прошел обучение психоаналитическому способу работы) с ребенком, который в свои почти семь лет еще не умел читать. В то время, такое физическое удерживание ребенка учителем в определенных обстоятельствах рассматривалось как вполне приемлемое и не считалось подозрительным. В наши дни предпринимаются шаги, чтобы защитить детей от актуального или потенциального злоупотребления (abuse). Все же, этот случай иллюстрирует, что в каких-то ситуациях ограничения являются важнейшей частью удерживания. Это верно и для психоаналитической работы. Но в аналитической работе мы должны найти способы контейнирования пациента посредством слов и через характер нашего отношения и присутствия на сессии. Мы не должны прибегать к физическим мерам, поскольку в совершенно другом сеттинге психоанализа и психотерапии они неприемлемы.

Следующий клинический пример

Теперь я опишу часть своей работы с пациентом, который чувствовал, что оба его родителя серьезно его подвели. Отметим, пожалуйста, что я затрону только те моменты, которые касаются темы моего доклада.

Я буду называть своего пациента г-н А. Он появился на свет в результате поздней и незапланированной беременности. Его мать уже имела четырех детей, младшему из которых было 7, когда родился г-н А. Его отец был алкоголиком, редко способным (если способным вообще) на то, чтобы поддержать мать г-на А. или уделить внимание своему последнему ребенку. Отец умер, когда моему пациенту шел второй десяток.

Г-н. А. вырос, опасаясь что-либо требовать от своей матери. Однако когда время от времени он все же осмеливался делиться с ней своими огорчениями, зачастую у него создавалось впечатление, что она не способна выдержать даже самую естественную его потребность в ней как в матери.

В результате г-н А. начал чувствовать, что его оказалось для матери чересчур много. Поэтому он пытался защитить ее от того, что на самом деле чувствовал, и, в частности, от всех своих насущных потребностей. Он часто ненавидел ее, но притворялся, что любит. Подобным же образом он чувствовал, что мать часто притворяется, что любит его, тогда как он ощущал, что на самом деле она его ненавидит. И он начал воображать, что она не хотела, чтобы он родился.

Чтобы избежать ужасающих последствий своей ненависти - и предполагаемой ненависти матери - г-н А. научился быть хорошим ребенком, помощником, хотя это ощущалось как поверхностное отношение и фальшь. Г-н А. стал бояться того, что быть нуждающимся в чем либо. Также он стал бояться критически относиться к другим, и особенно опасался своего гнева. Он чувствовал, что гнев этот будет смертоносным.

В связи с этим г-н А. рассказал мне ключевое воспоминание своего детства, которое относилось ко времени, когда ему было 4 года. Он помнил, что больше всего ненавидел своих родителей, когда они дрались. В одном таком случае, когда они дрались в соседней комнате, он начал думать, что они собираются убить друг друга, потому что шум был ужасный. Внезапно драка прекратилась, и наступила мертвая тишина. Г-н А. сразу же подумал, что он убил своих родителей, потому что слишком сильно ненавидел их, когда они дрались. В панике он побежал за помощью к соседям и сказал им, что родители мертвы. Позже он вспомнил, что был жестоко наказан родителями за то, что привлек посторонних к тому, что происходило в семье.

Долгое время г-н А. постоянно и настойчиво изучал мое лицо в течение каждого сеанса. Также он внимательно прислушивался к моему голосу, улавливая знаки, указывающие, как он полагал, на мое "настроение". Скоро стало ясно, что он почти все время ожидает, что я буду его критиковать, отвергать его, буду с ним нетерпелив, буду на него сердиться, и так далее, и тому подобное. Сколь бы теплые чувства я по отношению к нему ни испытывал (хотя я никогда ему этого не говорил, тщательно избегая утешений), он ни разу не осмелился поверить, что я могу хорошо к нему относиться.

Однажды во время сеанса (шел третий год анализа) г-н А. внезапно обрушился на меня [с упреками]; он заговорил со мной (точнее, *выговаривал* мне) совсем не так, как раньше. Он сказал следующее:

"Я пришел к выводу, что как аналитик Вы совершенно бесполезны. Я абсолютно ничего не получил от этого анализа. Это была совершенно пустая трата времени. Вы дрянной аналитик: по крайней мере, для меня. Может быть, Вы приносите какую-то пользу другим людям, но мне Вы никакой пользы не принесли".

В этом духе г-н А. продолжал высказываться большую часть сеанса. Он никогда не говорил со мной подобным образом, и я никогда не слышал, чтобы он так говорил с кем-то другим. Обычно он был очень озабочен тем, чтобы подстроиться к собеседнику, стараясь угодить, не надоедать, ничего не требовать и уж точно не выказывать никакой критики.

Внутренняя супервизия

В своем контрпереносе я отметил два совершенно различных отклика. Я воспринимал то, что г-н А. говорил мне, как довольно разрушительную атаку на меня, и понимал, что легко могу ощутить себя серьезно оскорбленным. Я мог бы также обнаружить, что ненавижу того, кто с такой силой обрушивался на мое отношение к себе как к аналитику. Но вместе с тем я также начал чувствовать некоторый терапевтический оптимизм. Этот пациент столь значительную часть своей жизни соотносил с другими людьми через ложную самость. Теперь же, казалось, он позволил себе говорить из такого места в себе, в котором ощущалось гораздо больше реального. Возможно, это могло бы стать началом прорыва. На протяжении большей части сеанса я хранил молчание, принимая атаку так, как она велась, и стараясь от нее не защищаться. Затем, перед самым концом встречи, я сказал ему:

"Я должен очень серьезно отнестись к тому, что Вы говорите. Вполне возможно что я *действительно* подводил Вас так, как Вы говорите. Так что я должен обдумать это очень тщательно. Но в то же время не могу не отметить, что Вы заговорили со мной так, как, я думаю, Вы никогда не чувствовали себя способным разговаривать со своей матерью; или, насколько я знаю, с другими людьми".

Некоторое время г-н А. молчал, а потом ответил: "Да, это правда".

На следующем сеансе г-н А. сказал, что он ощутил огромное облегчение, когда я позволил ему говорить со мной так, как он говорил. Он не мог себе представить, что я буду в состоянии принять это, но я не пал духом и не отомстил. Его отец впал бы в протрацию. Его мать бы отомстила.

Я отметил, что в своей реплике я упомянул только его мать, но он добавил также к этому своего отца, и это было весьма уместным дополнением к моим словам.

Теперь я опишу фрагменты двух сеансов из следующего года анализа. Эти сеансы произошли на неделе, когда я собирался отсутствовать в четверг и в пятницу. Очевидное содержание этих сеансов вращается вокруг темы, которую я назову "капающая труба".

Понедельник

Сначала г-н А. помолчал, а потом стал рассказывать мне о проблеме с его жильем, которая все никак не решалась. Речь шла о капающей трубе, которая не давала ему спать по ночам, но в связи с этим никто ничего не предпринимал. К сожалению, домовладелец жил далеко, так что сам не видел, в чем проблема. Он только слышал о ней от моего пациента.

Наконец проблеме вроде бы решили уделить внимание. Перед выходными должен был зайти слесарь, но [на выходных] труба *продолжала* капать. Пациент не знал, смог ли слесарь вообще прийти в пятницу, или же он пришел, но не смог разобраться, где протекает труба. И г-н А. знал, что одно окно заклинено, так что если слесарь и пытался выглянуть из этого окна, он не смог бы этого сделать. ⁴ Он бы не смог увидеть, где именно протекает труба - и протекает ли она вообще.

Г-н А. снова связался с домовладельцем, который сказал, что попросит слесаря зайти сегодня. Затем пациент замолчал, явно ожидая, что я что-то скажу.

Внутренняя супервизия

Пока г-н А. молчал, я размышлял над тем, к чему в анализе он мог отсылать своим рассказом, если это был больше чем просто отчет о текущих проблемах в окружающем его мире. Поскольку у меня не возникло никакой идеи относительно того, с чем в анализе могла бы быть связана эта история - если она вообще с чем-то была связана, - я знал, что не могу придать ей смысл. Поэтому я удовольствовался тем, что полагал "нечетким воспроизведением" основной темы в том, что он мне рассказал.

Я дал такой комментарий: "Похоже, здесь звучит тема, связанная с чем-то, что последнее время не в порядке, и чему еще не уделили должного внимания, и ничего - или ничего путного - по этому поводу не предприняли".

На самом деле мне показалось, что это довольно неловкий отклик на его слова, но подобные вещи я советую другим, иногда пишу об этом, так что я подумал, что стоит ему это сказать.

Г-н А. меня удивил и даже поразил, восприняв мою реплику с определенным воодушевлением.

"Да! - сказал он с нажимом. - Я думаю, она [тема] тянется к тому "Нет", которое мне нужно было, чтобы Вы поняли".

Дальнейшая история, как она вырисовывалась на сеансе

Это было упоминание того времени в ранней юности г-на А., к которому он часто возвращался. Он встречался с девушкой, я буду называть ее Джейн, которая стала для него очень важна. Фактически, они вели речь о браке. Затем наступили выходные, которые Джейн проводила одна, поскольку г-н А. готовился к экзаменам и не мог к ней присоединиться.

Пока она отсутствовала, г-н А. обнаружил, что ревнует Джейн столь сильно, что вынужден был последовать за ней туда, где она находилась. Через некоторое время после этого он стал ощущать то, что описывал как "совершенно нового типа "Нет", вырастающее изнутри него". Он просто знал, что не сможет жениться на Джейн. Также он знал, что должен сказать ей это "Нет" нового типа. Однако вместо этого он просто позволил отношениям угаснуть.

С тех пор г-н А. постоянно переживал, что не смог сказать Джейн это "Нет", которое он так глубоко чувствовал. Это "глубокое Нет", говорил он мне, дало ему ощутить себя реальным, как он никогда не ощущал себя прежде. Но он упустил шанс сказать это Джейн.

До текущего сеанса мы часто говорили с ним об этом "Нет" в связи с Джейн, и мне хотелось думать, что мы практически добились того, чтобы у меня возникло понимание данного эпизода. Например, мы изучили возможность того, что его беспокоило чувство ревности, и, может быть, у него появилась потребность защитить себя от столь интенсивных вспышек ревности в будущем. В другой раз я размышлял о том, не казалась ли столь опасной и не привела ли к такой сильной ревности степень его зависимости от другого человека. Или это была потребность избежать ограничения (be defined) другим человеком, в данном случае - Джейн, которая начала верить, что они поженятся? Или это была потребность сказать "Нет" обязательствам, и т.д.?

Я надеялся, что, испытав множество разных способов постижения того, почему это ""Нет" глубоко изнутри" его было столь значимым, мы достигли довольно *широкого* понимания этого эпизода. Казалось, он символизирует множество важных моментов, в том числе "Нет", которое ребенку необходимо суметь выразить матери, а потом и отцу, в процессе сепарации. И вот теперь г-н. А говорил, что полагает, что та вещь, "по поводу которой ничего не предпринималось", могла отсылать к этому "Нет".

Внутренняя супервизия

Сначала я был на грани раздражения, услышав, что г-н. А снова возвращается к этому "Нет". Чего еще я здесь не понял? Почему он продолжает об этом говорить? Но я знал, что должен быть очень осторожным, чтобы не поддаться влиянию контрпереноса. Поэтому я слушал, что он скажет дальше.

Г-н А. продолжил: "Я не мог сказать Джейн то "Нет", что пришло изнутри меня, поскольку чувствовал, что *"оно бы ее разрушило"*. Похоже, гораздо безопасней для нее было получать это сообщение постепенно, чтобы оно не оказало такого действия. Но мне не удалось сказать ей это "Нет" изнутри меня. А это "Нет", которое я обнаружил внутри себя, я ощущал как единственное реальное переживание, которое я могу вспомнить".

Внутренняя супервизия

Я обнаружил, что припоминаю, что недавно г-н А. несколько раз заговаривал о работах Винникотта. Он высказывался в том духе, что чувствует, что понимает ранние переживания детей так, как, по-видимому, большинство остальных людей их не понимают. Поэтому я задался вопросом - насколько хорошо я понимаю детские переживания г-на А.? Затем я обнаружил, что у меня возникла ассоциация с тем, что г-н А. говорил о своем страхе разрушить Джейн, и припомнил, что Винникотт писал о потребности ребенка "разрушить объект" - чтобы затем смочь обнаружить, что объект выдержал это "разрушение". [См. работу "Использование объекта" в книге "Игра и реальность" (*Playing and Reality*) (Winnicott, 1971)].

Затем я сказал: "Думаю, что ключевой здесь является та мысль, что Вы могли разрушить Джейн этим глубоким внутренним "Нет", которое Вы обнаружили внутри себя. Это напомнило мне о высказывании Винникотта по этому поводу: что человеку требуется смочь разрушить объект в своей психике, а затем обнаружить, что объект выдержал это разрушение".

[Обычно я не пользуюсь аналитической терминологией на сессии, но сейчас я чувствовал, что это позволяет нам с г-ном А. рассмотреть данный вопрос, поскольку я знал, что он кое-что на эту тему прочел].

Г-н А. сказал: "Да, это действительно ощущается таким образом".

Я поразмышлял над этим и затем сказал: "Я полагаю, Вы были неспособны рискнуть и разрушить в своей психике мать или отца, поскольку Вам, вероятно, казалось, что они слишком хрупкие, чтобы рискнуть и проделать это с ними. Я думаю, это могло оставить у Вас ощущение, что они способны выжить, только если Вы будете постоянно защищать их от того в Вас, что, как Вы стали верить, разрушило бы их".

Г-н А. согласился со мной и продолжил исследовать эту тему. Своего отца он воспринимал как развалину на протяжении почти всего своего детства.

Дальнейшая история, что вырисовывалась в ходе сеанса

Г-н А. чувствовал, что выживание его матери также под угрозой, поскольку казалось, что выживает она только за счет мщения, и я часто слышал о ее вспышках гнева, когда он осмеливался ей перечить или каким-то образом требовать от нее чего-то как от матери. Он всегда чувствовал, что должен поддерживать ее, чтобы казалось, что она все же выживает как мать. И он начал верить, что помогает ей выживать, подстраиваясь под нее, будучи хорошим, покладистым, и не прекословя ей.

В ходе сеанса наступил момент, когда я сказал: "Я думаю, для Вас было очень важно продолжать возражать мне в связи с этим "Нет". Я думаю, Вам нужно было продолжать указывать мне на то, что я до сих пор *не* понял, что важнее всего в этом вопросе".

Г-н А.: "Это правда. Думаю, Вы этого еще не поняли".

Я ответил: "Итак, вероятно, Вы вынуждены были найти способ говорить мне "Нет", противоречить мне, и рисковать, не защищая меня намеком на то, что я почти достиг понимания. Теперь ясно, что я *не* понимал все это таким образом, в котором Вы более

всего нуждались. И я думаю, Вы вынуждены были осмелиться говорить это мне, несмотря на то, что, возможно, боялись, что я либо не смогу это принять, либо каким-то образом могу отомстить за то, что Вы мне это говорите".

Г-н А. согласился.

Несколько позже, ближе к концу сеанса, я сказал г-ну А., что теперь нам, возможно, удастся понять, насколько значимыми были его мысли в начале сеанса. Я сказал ему: "Ведь действительно была вещь, *по поводу которой ничего не предпринималось*, и она все еще требует внимания. Нечто, о чем предположительно должны были позаботиться "отсутствующий домовладелец" или "слесарь". Теперь мы вернулись к этому самому главному моменту, понимания которого мной Вы изо всех сил добивались".

Я добавил: "К счастью, Вы осмелились рисковать - в чем бы этот риск не заключался для Вас - и возвращались к данной теме так часто, как это было необходимо для того, чтобы у меня появилась возможность начать лучше понимать этот момент".

Последовало дальнейшее рассмотрение этой темы, после чего г-н А. сказал: "Странно, сегодня я чувствую, что Вы *действительно* начали понимать это".

В среду, на последнем на этой неделе сеансе, поскольку я собирался два дня отсутствовать, у нас сложился следующий разговор:

Г-н А. "Сегодня я очень враждебно настроен по отношению к Вам - очень рассержен. Не знаю, почему".

ПК "Много поводов сердиться".

Г-н А. "Да. Почему Вы не поняли это раньше? *И теперь* Вы уезжаете".

ПК "Вы, возможно, чувствуете, что если бы я действительно понимал, что для Вас значит мой отъезд, я бы не мог уехать, особенно в виду того, что мы сейчас пытаемся рассматривать. Я вижу, что сейчас действительно крайне неудачное время для моего отъезда".

Г-н А. "Я должен был защищать мать и продолжал ее защищать. Может, мне не нужно было этого делать. Но если бы в этом не было необходимости - какой бы это оказалось ужасной тратой времени и усилий".

ПК "Я думаю, тут та же проблема, что и в "солнечном танце"".

Из истории анализа

Следует объяснить, что я имел в виду. Я напомнил г-ну А. о том, на что указывал ему раньше, используя почерпнутую из антропологии аналогию. Я рассказывал ему об одном племени на островах в Южной Океании, которое, поколение за поколением, каждое утро просыпалось до рассвета, чтобы исполнить "солнечный танец". Ведь они осознавали, что без солнца они бы все погибли. Поэтому каждое утро, до рассвета, они исполняли солнечный танец. И каждый раз он приносил желаемый результат! Солнце всегда поднималось над горизонтом, и начинался новый день. Я использовал эту аналогию, чтобы разъяснить г-ну А. его бессознательную фантазию о том, что *без его постоянной*

защиты другой человек (как он полагал) не вынес бы воздействия его внутренней реальности.

Я продолжил:

ПК "Вы посвятили такую значительную часть своей жизни защите другого человека. Вы стали воспринимать "другого" так, как будто он постоянно нуждался в этой защите от Вас, все время. Но что если в этом не было необходимости? Я вижу, что у Вас это может вызвать ужасное чувство пустой растраты огромного количества времени и усилий".

Г-н А. "Да, и все это время я защищал Вас от этого "Нет"".

ПК "Вы, наверное, задаетесь теперь вопросом, а что если я не нуждался в этой защите от Вас? Это тоже может выглядеть ужасной растратой всей той заботы и тех усилий, что Вы выказывали по отношению ко мне".

С этого момента и до конца сеанса г-н А. плакал - первый раз за всю историю

данного анализа.

Наконец он смог вымолвить: "Некоторые вещи невозможно выразить словами".

Я ответил: "Иногда слезы могут передать то, что словами не скажешь".

Небольшое обсуждение

Я далек от предположения, что мы сразу же приступили к работе с этим важнейшим переживанием. В лучшем случае нам лишь представилась возможность начать относиться к нему иначе. Но по крайней мере г-н А. нашел способ побудить меня переосмыслить то, над чем мы так часто размышляли раньше. И на этот раз мы смогли продвинуться настолько, что увидели, что проблема оказалась встроенной непосредственно в аналитическое отношение. Теперь стало ясно, что я тот человек, которому необходимо столкнуться с "Нет" моего пациента. И он осмеливался говорить мне: "Нет, Вы *все еще* упускаете основной момент. Вы *не* понимаете самого важного".

Но, отталкиваясь от этого, стало возможным пересмотреть центральные для г-на А. взаимоотношения и увидеть, каким образом каждое из них - каждое по-разному - нуждалось, на его взгляд, в его защите стороны от его собственного "Нет", которого, как он чувствовал, эти отношения не выдержали бы.

Как мать г-на А., так и его отец казались ему балансирующими на грани выживания. Разве мог он решиться и позволить себе испытать самую естественную и обычную для детей фантазию о том, что их родители могут показаться уязвимыми перед тем, что ребенок ощущает как свое всемогущество? Только после полноценного прохождения через эту фантазию, когда объект *выживает, не распадаясь и не мстя*, становятся возможными отношения нового типа. Только тогда обнаруживается, что объект располагает своей собственной силой, а не только той, что будто бы ему передается (при защите от того, что, предположительно, окажется для него чересчур много).

Итак, в рамках аналитического отношения, г-н А. начал интенсифицировать процесс испытания меня. Он говорил "Нет" моим попыткам понимания, пока в конце концов нечто от этого "Нет" из самых глубин не перешло в его отношение ко мне. Позволил ли я себе

признать это и уделить ли этому внимание, или же я продолжал игнорировать то, чем нам более всего следовало заниматься? Было ли наконец уделено должное внимание каплюющей трубе?

В заключение

Я знаю, что только лишь затронул вопрос о ненависти и контейнировании. Это вопрос длиной в человеческую жизнь. Но я верю, что одной из самых важных сторон работы в анализе является наша готовность встретить нечто, о чем пациент, как ребенок, полагает, что этого чересчур много и что это никто не способен вынести. И встречая это *в анализе*, мы действительно должны суметь вынести его удар. Здесь контейнирование означает необходимость найти способ действительно заниматься этим и это выносить. Такой удар зачастую приходится переживать на самом личностном уровне. Это значит гораздо больше, чем просто давать искусные интерпретации, отводя нечто от себя - как если бы он был лишь переносом. Конечно, зачастую это также и перенос - но нам нужно уметь заниматься им более непосредственным образом: задействуя не только разум, но и самих себя как реальных людей, во всей своей целостности - и в том числе свои чувства.

Примечания

¹ Данная статья является докладом, который будет представлен на Летней психоаналитической школе в Киеве (Тема школы: "Облики ненависти"), организованной Психоаналитический институт Восточной Европы им. Хан Гроен-Праккен.

² Мне не нравится называть ребенка "он" ["it", в английском языке то же местоимение, которое относится к животным, предметам и понятиям. - *Прим. перев.*], но здесь я решился на это, чтобы избежать назойливого повторения "он/она" ["he/she", политически корректное указание на человека, пол которого не играет роли или неизвестен. - *Прим. перев.*] на протяжении всего доклада.

³ Здесь под "объектом" Винникотт подразумевает то, что в психике ребенка представляет родителей, или то, что в психике пациента представляет аналитика.

⁴ Винникотт совершенно отчетливо говорит о том, что для матери нормально иногда ненавидеть своих детей. Вот его слова об этом: "Мать должна уметь переносить ненависть к своему ребенку, ничего с этим не делая. Она не может продемонстрировать ему этой ненависти. ... Наиболее замечательная особенность матери - ее способность терпеть столь ощутимый ущерб от своего ребенка и ненавидеть его столь сильно, не оплачивая ему той же монетой; а также ее способность ждать компенсации, которая может последовать - а может и не последовать - позже" (1949: 74).

⁵ После сеанса, не во время его, я отметил, что моя фамилия совпадает с названием хорошо известного типа окон в Великобритании. Даже если бы я отметил это в ходе сеанса, я бы, вероятно, не использовал данное наблюдение в интерпретации. Но оно заставило бы меня слушать внимательней. Это, возможно, помогло бы мне прийти к тем же выводам немного быстрее.

*Перевод З.Баблюна
Научная редакция И.Романова*

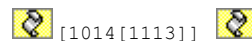
Литература

Bion, W.R (1962) The Psycho-Analytic Study of Thinking. International Journal of Psycho-Analysis, 43:306-310.

Winnicott, D. W. (1949) Hate in the Counter-Transference. Int. J. Psycho-Anal., 30:69-74.

Winnicott, D.W. (1971). Playing and Reality. London: Tavistock.

[Перейти к следующей статье](#)

(с) Институт практической психологии и психоанализа, 2004 г.
Все права защищены. Любое использование материалов без разрешения редакции запрещено.

